

ГЛАВА 1

Ночь была душная, простыня сбилась комком где-то под боком и мешала дышать. Алексей Зыков метался по кровати, впиваясь пальцами в мокрую от пота подушку, и никак не мог крикнуть: «Слушай мою команду!»

Немцы выдыхались, об этом знали командиры, но солдаты в окопах видели, как на них прут и прут, не считаясь с потерями, танки, как за танками с бронетранспортеров высаживается вражеская пехота и снова разворачивается в цепи. Замолчал ручной пулемет в двадцати метрах от Алексея. Еще один «станкач» перевернуло взрывом и засыпало землей пулеметную ячейку. Артиллеристы на руках закатывали на линию первых окопов «сорокапятки». Все! Стоять до конца, не дать фашистам прорваться! Умереть, но стоять здесь!

Лейтенант Алексей Зыков хорошо знал о планах фашистов и своего командования здесь, на южном фланге Курской дуги, как ее не-

давно стали называть в войсках. Эшелонированная оборона должна была измотать, обескровить врага, а потом будет нанесен мощный сокрушительный удар, который позволит нанести врагу такой урон, что фактически группа армий «Центр» перестанет существовать. Немцы так старательно готовились к наступлению на этом участке, что даже стали снимать части со Сталинградского фронта, из-под Москвы, Ленинграда. Победа здесь означала ослабление врага и на других участках фронта. Это был конец успехам вермахта на Восточном фронте. И все зависело от солдат здесь в обороне. Надо удержаться, надо устоять. Алексей улыбался, понимая, что танкам не пройти. Сколько солдат погибнет, но все равно не пройдут. Неизбежная жертва богу войны, но это святая жертва, это вклад каждого в светлое будущее страны, свободы своей Родины. Алексей готов был сам умереть, лишь бы приблизить этот день!

И тут случилось страшное — блиндаж командного пункта полка вдруг вздыбился, взметнулся вверх черным столбом земли, дыма, полыхнул в недрах этого чудовищного фонтана огненным шаром, и полетели в разные стороны бревна и еще что-то, о чем не хотелось думать. То ли просто выброшенные взрывом офицер-

ские шинели, то ли разорванные в клочья тела командиров.

Алексей застонал в голос и бросился было вдоль окопа к дымящейся воронке от крупнокалиберного снаряда, убившего командование стрелкового полка, но потом остановился. Там уже делать нечего, там уже никому и ничем не поможешь. Оглянувшись по сторонам, лейтенант вдруг увидел застывшего как статуя рядового Вальку Мухина — вестового командира полка.

— Мухин! Ты что? Очнись! — рванул он солдата за плечо.

— Там, — Мухин вытаращил переполненные ужасом глаза, — там же все... там же всех сразу...

Да, эта мысль теперь засела и в голове лейтенанта. Зыков как-то сразу осознал, что на КП полка вызвали всех ротных, комбаты тоже были там. Там были и связисты, там находился корректировщик с артиллерийской батареей. Кто остался в боевых порядках стрелковых батальонов? Несколько молодых необстрелянных взводных лейтенантов из последнего пополнения. Были там и более опытные взводные командиры, но кто из них знает, кто видел, что произошло здесь?

— Рядовой Мухин! — крикнул чуть ли не в ухо бойца Зыков. — Бегом на капэ дивизи-

зии! Передать на словах следующее: «Снарядом уничтожен командный пункт полка. Связь прервана. Командование принял на себя лейтенант Зыков из особого отдела. Огонь артиллерии по ориентирам 3, 6 и 8». Повторить!

— Снарядом капэ, — послушно пробормотал солдат, глядя на лейтенанта. — Погибли все, вы принимаете командование...

— Ориентиры! — тряхнул вестового Зыков.

— Три, шесть и восемь, — кивнул боец и судорожно сглотнул.

— Бегом, Мухин, бегом! Мы продержимся, а ты добеги, родной. Добеги!

Добежать было сложно. Около километра в чистом поле под непрекращающимся огнем врага, по открытой местности. А в полку и так были очень большие потери за эти несколько дней непрерывных боев. Но бывает такое в жизни, и особенно на войне, когда другого выхода просто нет, не существует и не может существовать — только выстоять. И Зыков бросился бежать к первой линии.

— Слушай приказ! Станковые пулеметы на фланги, все пулеметы на фланги. «Сорокапятки», огонь открывать на шестистах метрах. Ружейный огонь по команде. Отсекать пехоту от танков!

Взводные довольно быстро поняли, что произошло. Заговорили бронебойные ружья. Командиры приказали сменить позиции и по целям били по три-четыре бронебойщика с разных позиций, под разными углами, потому что танки пришлось подпускать очень близко. Бить из «сорокапяток» с большой дистанции — это значит уменьшить поражаемость и раскрыть позиции артиллеристов. Их расстреляют танками еще с расстояния восемьсот метров, держа на постоянном прицеле. Надо было рисковать, и Зыков принял это решение.

Танки горели, нещадно чадили, застилая поле боя черным дымом, пехота поднималась и снова ложилась, прижатая огнем. Немцы маневрировали и пытались прорваться то на одном, то на другом участке обороны. У Зыкова сжалось сердце, когда он увидел, что немецкие танки начали утюжить гусеницами передовые окопы одного из батальонов. Но там справятся, выстоят, это сейчас не важно, что враг дошел до первых окопов. Полетели гранаты, бутылки с зажигательной смесью. Кажется, даже началась рукопашная схватка в окопах. А потом ударила корпусная артиллерия...

Это потом, когда его отправляли в госпиталь, Зыков узнал, что они дрались два часа, целых два часа продержались и не отошли. Ему

тогда, во время боя, показалось, что бой длился весь день и даже начало смеркаться. А это просто дым закрыл солнце. И потом, когда его, контуженого, в рваной закопченной гимнастерке укладывали на носилки, он все хватал рукой кого-то и требовал признания, что они выстояли, что фашист пока не прошел на участке обороны. И уже теряя сознание от боли и потери крови, Алексей как в тумане увидел широкое лицо с усами. То ли показалось в горячечном бреде, то ли правда этот человек сказал: «Спасибо тебе, сынок!»

Утро было теплое, солнечное, и ощущать себя небритым в такое утро было неприятно, даже как-то унижительно. Зыков уселся на кровать возле тумбочки и повернул к себе настольное зеркальце. Да, вот что значит лень, вот что значит расслабиться в тылу, перестать следить за собой. Ладно, когда его только привезли с ранением и контузией, было не до бритья. Но потом-то Алексей начал бриться самостоятельно, а позже, по мере выздоровления, расслабился совсем. Непорядок! Зыков нахмурился. На передовой, когда полк дрался в обороне, он все равно находил возможность бриться. Хотя бы через день. Но офицер должен быть примером для подчиненных.

— Любуешься? — раздался за спиной голос майора Агафонова, лежавшего на соседней койке. — На свиданку собрался, медсестричек охмурять?

— Ну почему же на свиданку, — скрывая раздражение, ответил Алексей. — Просто привести себя в порядок хочется.

— Знаем мы вас, таких, — снова проворчал раненый сапер. — То-то Лидочка все снует к нам в палату, да все к тебе. А между прочим, тут и другие есть, и тяжелые, а ты уже выздоравливающий.

— Ну, зашла несколько раз, так зачем же выводы делать, — нахмурился Зыков. — А для раненых у нас свои сестрички есть. Она же из другого отделения. А с Лидой мы просто дружим. Мы с ней из одного города.

— Знаем мы ваши сказки, наслушались. Моего заместителя ночами дергали на допросы с такими вот сказками. А потом, когда мы переправу во время наступления строили под бомбами, когда его взрывом сбросило в реку, а тело не нашли, твои такие же вот в дезертиры списали. Не в пропавшие без вести, а в дезертиры. И десяток человек видели, как он упал в воду, но особистам ведь свидетели не указ, у них свои планы и отчеты по врагам народа!

— Товарищ майор, — не выдержал Зыков, — почему вы судите обо всей организации по отдельным людям?

— Ты что, лейтенант, воспитывать меня собрался? Уму-разуму учить?

Алексей стиснул зубы и промолчал. Он молча поднялся и пошел к титану за горячей водой. Разговоры разговорами, а побриться необходимо. Вчера вечером лечащий врач Степан Андреевич подмигнул ему и весело сказал, что утром приедет начальство. В том числе и по его, Алексея Зыкова, душу. Агафонов замолчал, отвернувшись на своей кровати к стене. Алексей с удовольствием побрился, подушился остатками одеколона, которые берег именно для таких торжественных случаев. А потом не спеша сменил белый подворотничок на больничном халате. Все, он был готов к приезду начальства. Но на что намекал Степан Андреевич?

Около одиннадцати часов в коридорах затопали сапоги, торопливо забегали сестрички и санитарки. Зыков замер, сидя на своей кровати, не понимая, чего это он так разволновался. Как мальчишка в начале урока, когда взгляд учителя скользит по списку в классном журнале в поисках, кого бы вызвать отвечать домашнее задание. В соседней палате наступила тишина, а потом там забубнили властные ко-

мандирские голоса. Потом громко и нескладно захлопали в ладоши. А потом снова в коридоре затопали сапоги, и Алексей не удержался и поднялся с кровати, держась за спинку. Он даже не замечал, что сжимал железную спинку кровати так, что побелели пальцы.

— Здравствуйте, товарищи! — прогремел, пронесся эхом под высоким потолком палаты властный командирский голос.

Зыков вздрогнул и понял, что так глубоко задумался, что не заметил, как в палату вошла процессия во главе с начальником госпиталя и крупным плечистым полковником в накинута на плечи белом халате. Лежачие раненые начали приподниматься на подушках, те, кто уже мог ходить, поднялись. Зыков тоже вытянулся, как мог, хотя больничный халат никак не мог подчеркнуть выправку молодого офицера. Он с удовольствием отметил, что за спинами персонала и гостей стоит Лидочка. И только потом Алексей стал рассматривать гостей. Капитана с портфелем и подполковника с пехотными эмблемами, который скромно стоял за спинами военных и врачей.

— Ну, как здоровье, герои? — с широкой улыбкой осведомился полковник. — Выздоровливайте, товарищи! Вы очень нужны на фронте. Великие дела начинаются. Бьем фашиста

в хвост и в гриву, бежит враг с нашей земли! А Родина о вас не забывает, товарищи. Я уполномочен командованием фронта вручить награды наиболее отличившимся.

И полковник взял из рук капитана первый наградной лист. Награды получили два офицера, и третьим, к большому удовольствию Алексея, назвали его. Он заметил, что подполковник из-за спин врачей подвинулся ближе к первому ряду и теперь смотрел на молодого лейтенанта. Представитель штаба фронта взял наградной лист, посмотрел в него, но зачитывать содержимое не стал. Он опустил бумагу и обвел взглядом раненых в палате.

— А вот по поводу лейтенанта Зыкова мне хочется сказать не казенным языком наградного листа, а словами командира, старого солдата. Много подвигов я видел на фронте, много героев прошло перед моими глазами. Но тут случай особый. Лейтенант Зыков не пехотный командир, не артиллерист, не танкист. Он оперуполномоченный Смерша, особого отдела, как раньше называлась наша контрразведка в войсках. Его задача — борьба с вражескими шпионами, диверсантами. Но когда его полк находился на передовой, на линии обороны, когда враг пер на позиции всей своей звериной мощью, случилась беда. Такое бывает на войне.

Одним снарядом крупного калибра накрыло командный пункт полка. И когда часть осталась без командиров, без связи, быстрее всех отреагировал именно лейтенант Зыков. Отправив связного в штаб дивизии, он принял командование на себя и два часа фактически руководил действиями полка. Руководил умело, грамотно. Полк, благодаря лейтенанту Зыкову, выполнил поставленную задачу, не отошел ни на метр, отразив все атаки врага. Вот он, наш герой, вот каких сынов дает наша Родина, наш комсомол. И Родина благодарит своего славного сына и награждает его орденом Красной Звезды. А еще слово хочу предоставить представителю главного управления Смерша, подполковнику Уланову.

Подполковник протиснулся из-за спин медиков, подошел к Зыкову и крепко пожал руку. Он достал из планшета новенькие офицерские погоны с тремя звездочками и протянул Алексею.

— Поздравляю, герой, с присвоением очередного воинского звания старший лейтенант. Гордимся тобой!

Алексей пожал руку подполковника, он жал еще чьи-то руки, его хлопали по плечам. И сейчас лейтенант был взволнован не тем, что на него с восхищением смотрела Лидочка.